

ВСТРЕЧА

Рассказ

Сойдя со ступеньки вагона, Катя сверила свои часы с железнодорожными — было два часа пополудни.

За вокзалом, возле большого дерева, стояла грузовая машина. Катя подбежала, когда шофёр уже завёл мотор и захлопывал дверцу кабины.

— Дядя, вы меня до Михайловской довезёте?

— Не дядя, а шофёр второго класса, — повернул к девушке улыбающееся молодое лицо водитель. — Это, во-первых, а, во-вторых, тётя... гражданочка, ничем помочь не могу, машина идёт в Яблоневскую МТС.

—• Что же мне делать?

— А ничего.

— Как это «ничего»?

— Да так, очень просто... Сегодня машин с Михайловской не будет. Все они мобилизованы, возят лес.

Глядя куда-то поверх головы Кати, шофёр нетерпеливо ждал, когда она отойдёт в сторону. Но Катя не отходила. Он перевёл взгляд на её лицо и присвистнул; для чего-то опустил ветровое стекло, потом опять его поднял и, сдвинув на затылок соломенный бриль, мягко добавил:

— А вы не огорчайтесь... Здесь недалеко до Михайловки, километров двенадцать. Попутчика себе подыщите и не заметите, как до райцентра дойдёте... Желаю удачи, тётя-гражданочка...

Кивнув на прощанье, шофёр тронул машину.

Поезд давно ушёл, перрон опустел. Какой-то старик в замасленной железнодорожной форме безразлично посмотрел из-за чугунной ограды на Катю и скрылся за зданием.

Побродив по скверу, Катя села на большой камень под деревом.

Станция как вымерла. Под кустами сирени, зарывшись в пыль, дремали куры. Из вокзального окна на Катю глянуло сонное усатое лицо и опять скрылось.

— Наверное, телеграфист... — подумала Катя и сразу же вспомнила о только что уехавшем шофёре: «Какой он всё-таки вредный! Конечно, хорошо ему сидеть в машине, крутить баранку и убеждать людей не огорчаться... И глаза насмешливые и улыбка неприятная. Наверное, знает, что у него красивые зубы и кокетничает, выставляет их напоказ...»

Через сквер прошёл дежурный по станции. Даже не взглянув в Катину сторону, направился к небольшому дому с черепичной крышей. Кате было видно, как навстречу ему вышла молодая женщина с ребёнком на руках, наверное, жена. Они скрылись в доме.

«И никому до меня нет дела», — огорчённо подумала Катя, и крепко подперла подбородок кулаком.

Вот бы сейчас мама руками всплскивала, ахала: «Девочка осталась одна в степи, с девочкой может что-нибудь случиться». А отец, конечно, на это ответил бы всегдашней своей фразой:

«Не забывай, мать, что Катька уже взрослый человек. Пора ей без помочей по свету шагать. Пусть сама находит выход из положения»...

Да, папа прав, конечно... Но я не знаю, что делать... — Катя вздохнула. Вот так журналист, вот так творческая командировка! Нечего сказать, привезёшь материал... Сегодня совещание животноводов начинается, а ты, матушка, просидишь на вокзале до темноты, а тогда что?.. Катя задумалась и сама себе вслух решительно ответила:

— А ничего! Сейчас пойду и спрошу дорогу на Михайловку, — и поднялась с места.

— Ты что это, девка, сидишь тут, или кого ожидаешь? — вдруг раздалось за её спиной. Катя вздрогнула и обернулась. Перед ней стояла женщина в тёмном платье, с кошёлкой и небольшим чемоданом в руках.

— Чего так встрепенулась? Сейчас не ночь, чтоб пугаться, да и людей здесь лихих нету.

— Мне в Михайловку надо...

— А мне, дочка, тоже в Михайловку. Ходила на вокзал звонить в райцентр, машин не будет... Значит, мы с тобой попутчики. Забирай свой портфель и айда, вместе топать будем...

...Дорога от станции сворачивала влево. По одну сторону — широкая, неоглядная степь, по другую — лес. От нагретой земли поднималась тёплая волна, напоённая запахом пересохших трав. «Какими же это духами пахнет?» — прикрыв веки, вдыхая в себя аромат степи, думала Катя, но так и не вспомнила.

Идти было легко и очень интересно. Лёгкий ветер забрался в кукурузное поле, прошёлся между рядками высохшей ботвы. Сухие стебли замахали побелевшими листьями, зашуршали.

Катя повеселела. «Вот бы сейчас мама на меня посмотрела... Нет, лучше папа», — подумала она. Всё неприятное отодвинулось назад. Сейчас Катя с удовольствием вспомнила даже и шофёра: «А он, наверное, добрый. И ничего не было в нём неприятного, просто я рассердилась на свою неудачу... А материал в газету сделаю. Подумаешь, страсти какие! Дойду с этой женщиной до Михайловки, завтра попаду на совещание и сделаю...»

Сзади раздался скрип колёс. Спутницы сошли с дороги. На возу, груженном подсолнечными будылками, важно сидел подросток. Сняв с головы фуражку, он степенно поздоровался и, приняв независимый вид, задёргал вожжами.

Катя, глядя на него, заулыбалась, а женщина, покачав головой, сердито проговорила:

— И куда бригадир смотрит. Мальчонке ведь сейчас в школе надобно быть. — И в догонку крикнула: — Какого колхозу?

Подросток медленно оглянулся и с вызовом ответил:

— «Большевистский путь!»

— Тоже мне, работничек, — не то с нежностью, не то с насмешкой проговорила женщина. — Ишь ты, самостоятельный какой!

Она смотрела перед собой, чему-то улыбаясь, а потом, покачав головой, заговорила:

— Вот же с каких лет парень к труду тянется. И это, заметь, не потому, что в доме достатку нет, а потому что, как только начнёт подрастать парнишка или девчушка, понимают они работу. Оно и верно, путящий человек работы не боится. А ежели, допустим, человек лодырь, то и работа над ним смеётся — не идёт в руки и всё тут... Ну, давай знакомиться. Как зовут-то тебя?

— Катя.

— А лет тебе сколько?

— Двадцать два.

— Года твои небольшие по нашему времени. Я-то в твои, двадцать два, уже матерью была, горб в работе намяла. А ты вон, портфелишкой помахиваешь, да и думок, поди, о дому нету. А, там мать сидит, дочку дожидается...

— Я из областного центра, сюда в командировку приехала.

— А я и гляжу, кто это такая важная в сквере сидит, носом покручивает, вот-вот заревёт. Не иначе, думала, дочка матерю свою потеряла. А оно, вишь какое дело, в командировку приехала и не доехала — не на чем... Это ж по каким ты делам сюда?

— За материалом для газеты. А насчёт того, что я растерялась, так это вполне естественно: никого кругом, дороги не знаю. Вот вам, наверное, ничего не страшно, потому, что вы...

Женщина перебила:

— Что я? Думаешь, всё сразу лёгким оказалось? Кошёлку, чемодан в руки — и пошёл? Нет, девка, тоже кое-когда останавливалась и присматривалась... А ты не робей, Катерина, не робей. Слышишь? Мало ль что в жизни тебе ещё встретится...

Женщина остановилась, вытерла концом головного платка лоб, весело глянула на Катю небольшими лучистыми глазами и ласково улыбнулась, обнажив крепкие белые зубы.

— А вот хочешь, скажу, что ты сейчас подумала: «И что это такая говорливая мне попутчица попалась?» Да?

— Нет, я не о том. Я посмотрела, как вы улыбаетесь. У вас такая улыбка, что лицо сразу стало молодое-молодое. Я и подумала, как вы, наверное, жизнь любите, если умеете так улыбаться.

— Жизнь?! А кто её, девка, не любит. Ишь, что сказала: жизнь... Да знаешь ли ты, что жизнью зовётся?

Катя смутилась.

— Ну, не скажу, чтобы очень хорошо знала. Но я уже прожила на свете двадцать два года. Не правда ли, быстро проходят годы, я вот даже не заметила, как мне исполнилось двадцать два.

— Не заметила, говоришь?

— Ну да. Так всё интересно и хорошо.

— Ну и что?

— Мне кажется, что человеческая жизнь должна быть очень красивой, а для этого обязательно нужно иметь большое образование.

— Ишь ты...

— Конечно. Тогда человек лучше разбирается в окружающей обстановке.

— Вон какая штука! Да... И что ж тебе твоё высшее-то образование, здорово помогает разбираться?

— А как же! Я, например, делаю правильные выводы насчёт людей вообще. Это ведь не так трудно!

— Так, так... Значит, как шагнула ты с дипломом, так всё и узнала. Это ж ты с кем так угадывала насчёт жизни?

— Ни с кем, сама.

— А подруга у тебя есть самая что ни на есть верная?

— Есть. Её Вероникой зовут, мы вместе в институте учились.

— И хорошая эта подруга?

— Очень! Она во всех отношениях лучше меня, — страстно вырвалось у Кати. — И красивая, и добрая, и очень, знаете, умная. Мы с ней одногодки, но она почему-то всегда для меня старшей была... Вероника меня часто ругала, говорила, что мне всё кажется в розовом свете...

— Ага... Ну, значит, настоящий она была тебе друг, коли не боялась правду-матку резать в глаза.

Катя задумалась, вспомнила годы учёбы в институте, Веронику, её хорошую и добрую любовь к ней.

От Вероники Катя получила пока одно письмо. С Урала, куда послали её на работу, письма идут долго. В нём подруга подробно описала, как её встретили в редакции, кто нравится, а кто не нравится (кстати, Веронике редко кто не нравился). Написала о домике, в котором поселилась...

— Глянь-ка, Катерина, сколько на одном месте галок собралось, — вывела её из задумчивости спутница. — Не иначе у комбайна бункер худой был. Вот же бесхозяйственность, господи прости, — возмутилась женщина.

На стерне, близ дороги, хлопотали галки. Когда спутницы приблизились, стая поднялась в воздух и, медленно размахивая тяжёлыми крыльями, опустилась на скирду соломы.

Дорога свернула в лес.

Женщина остановилась, чтобы завязать расшнуровавшуюся туфлю. Выпрямилась и, взяв опять в руки свою лёгкую ношу, посмотрела на Катю и сказала:

— Вот я гляжу на тебя, Катерина, и завидки меня берут, какая ж ты счастливая, что в эдакое-то время жить начинаешь. Сюда, в Михайловку, что идём сейчас с тобой, часто с молоду ходили мои босые ноги. С четырнадцати лет я пропитание себе добывала. И, скажи ж ты на милость, никогда особо и не горевала. Всё мне не хитрым да простым в жизни казалось. Одежонка была — драный зипун, да холщёвая юбка. А я не больно-то об этом печалилась, знай пела себе песни. Только уж как станет не в моготу, скажу матери: «Маманя, да когда ж бог нам счастье-то пошлёт?» А она мне в ответ: «Ничего, дочушка, на бога надейся, да сама не плошай. Доживём и до счастья». Не пришлось дожить- то ей, померла...

От дороги в сторону убегала узкая тропинка.

— Пойдём-ка, Катерина, тропкой. Путь себе сократим малость.

Женщина прошла вперёд. Её широкие и сильные плечи чуть покачивались, шаг был упруг и лёгкий.

А осень пришла и в лес. Было здесь свежо и очень тихо. Почти оголённые деревья стояли притихшие, задумчивые, будто стараясь не спугнуть своими ветвями обильного тепла, струившегося с неба. Наперекор осени из-под опавших жёлтых листьев пробивались зелёные побеги новых ростков. Косые лучи солнца освещали высокие деревья. Между ветвями их, как серебро, запутались тонкие нити паутины. «Быть теплу. Где-то я читала, если паучок ткёт пряжу, значит тепло будет. А когда он спрячется под древесную кору, жди холодов...» — подумала Катя.

Лес постепенно стал редеть. Отсюда, — а он стоял на возвышенности — виднелось большое село. Степь перепаживали тракторы.

— Видишь село, Катерина. Вот это и есть Михайловское. В нём прошли мои молодые годы. Ты погляди на эти поля. Видишь, до самого края неба идут.

Они подошли к только что распаханной полосе.

— Давай-ка присядем, а то чего-то ноги у меня гудеть стали.

Женщина поставила на ребро чемоданчик, села на него и, раскрыв кошёлку, стала доставать сало и белый хлеб.

— Тут уж нам совсем близко осталось, а всё ж подкрепиться не мешает. На-ка, поешь, моего хлеба, видишь, белый какой.

Катя с удовольствием ела белый хлеб, похрустывая румяной корочкой. Вдруг глаза женщины гневно вспыхнули. Она поднялась и быстро, почти бегом бросилась вслед за трактором.

— Сто-о-о-ой! Стой, тебе говорят, оглашенный!

Тракторист оглянулся и остановил машину. У них начался о чём-то разговор. Видимо, он оправдывался, а женщина за что-то его отчитывала. Потом, уходя назад, несколько раз оглядывалась и грозила ему пальцем, показывая рукой в сторону сидевшей Кати.

— Вишь, какое дело!— с возмущением, еле переводя дух, проговорила она, подходя к Кате и заправляя выбившиеся из-под платка волосы.— «Не заметил», говорит. Не заметил... А хлеб как же зимовать будет? Какую ж это постель он зерну готовит? Эдак, милый, ты и без хлеба можешь оставить колхоз! Ты не смотри, что я не вашего колхозу. Знать должен: хозяин ты этой земле или как?

Катя с изумлением смотрела на свою спутницу.

— Видишь вот огрех?

Девушка оглянулась по сторонам.

— Эх ты, городская! Огрехом у нас называют место, которое тракторист не пропахал, а только поскрёб лемехами. Понятно? Вот ты на огрехе и сидишь. Ну-ка давай, Катерина, перейдём на другую сторону, там закусывать будем. Да вот и поглядим, как он это место перепаживать станет...

Тракторист, закончив загон, повернул трактор к дороге. Смущённо глянув на Катю, с опаской перевёл глаза на женщину и стал перепаживать.

— Ну вот, так и надо было сразу,— уже смягчившись, сказала та.— А то ему лишь бы норму выбивать, а за огрех, кто отвечать будет?.. Пошли. Катерина... Так о чём я тебе рассказала?.. Этот тракторист, чтоб ему, все мои мысли спутал. Да... это насчёт того, как я в Михайловке жила...

Похоронила я мать свою, поплакала, осталась одна. Пришли годы, замуж пошла, это уже в германскую я замуж вышла. Мужа на фронт не брали — одна нога короче другой у него была. С мальства кузнецом был, как-то кувалда ему на ногу свалилась, год промаялся и остался калекой. Только, знаешь ли, сердце у него прямое было, жалостливое и правдивое к людям. Меня работать не пускал. Дома велел сидеть, да за сыном приглядывать. Сын у нас родился, Лёнюшка. А как началась революция, подался мой муж в красные, беляков бить...

Ну, известно, пошла я опять по людям. Жить надо было, дитя и себя прокормить. Живу себе, жду, когда война кончится, Петро мой домой воротится, сына рощу... Да... А мужа-то совсем не слышно стало. Думала, убили его. Ну что ж, плачь не плачь, а работать надо. И ничем мне не стало легче. Хоть и установилась у нас советская власть на селе, да все ж кулачье еще не перевелось, голову кверху драли, ждали чего-то.

Как-то нанялась я хлеб убирать у лавочника. Богатейший был. Каждый год нанимал работников, сам со своим добром не управлялся... Жнём, водицу попиваем, на жару жалуемся. Поприустали, время к обеду уж подошло. Сели под телегу, хозяйка нам варево разливать стала. Только это я несколько ложек щей в рот опрокинула, как гляжу от деревни соседский мальчонка бежит, кричит что-то, рукой машет. В тот день ветер был, голос его в сторону относил. Сжалось моё сердце, почуяло беду... Вскочила ему навстречу. «Тётка, Анисья, кричит, Лёнюшка сварился...»

Не помню как и домой добежала. Полна изба народу, бабы кричат, а на лавке лежит Лёнюшка, тряпками обложен. Глазами водит, меня ищет... Бросилась я к нему, а он не стонет, а как-то тоненько-тоненько скрипит горлышком. Прижалась я к его головёнке, а бабы мне: «не тронь, мол, отходит...» И, правда, гляжу отходит мой Лёнюшка, помирает, значит. Бросилась я перед иконой и кричу: «Господи, да посмотри ты на нас, несчастных, не приведи такого удара перенести...»

К закату солнца помер Лёнюшка. Уж потом мне соседки рассказывали, как это случилось. Стал он чугуном из печи с варевом тащить — проголодался, а сам ведь махонький был, чугуном на загнетке вывернулся из рогача и окатило его кипятком с головы до ног...

Женщина замолчала. Молчала и Катя. Ей страшно было задавать вопросы своей спутнице. Сколько горя слышалось в её голосе. Ещё не зажила рана в сердце матери, хотя прошло с тех пор много лет.

— Как шальная сделалась я после смерти Лёнюшки. На работу перестала ходить, днями лежу на кровати, кричу, стону. И вспомнила я тогда всю свою жизнь, как она меня из одной стороны в другую бросала... Есть такая трава, народ кличет её «перекати поле». Когда настанет осень, эта трава отрывается от земли и катится через поле. Куда ветер её погонит, туда она и катится. И осенний дождь холодный её мочит, и солнцем осветит, но не согреет. Мертва та трава, нету ей радости. Вот и мне так, думаю. Встала я как-то с кровати, подошла к углу, где висело родительское благословение, сняла икону и бросила в чулан. С той поры я никогда в церковь не ходила...

Дорога пошла в ярк. Путницы сошли и присели на камень, что лежал у протекавшего ручейка. Женщина наклонилась, зачерпнула горсть и стала пить.

— Холодна водица-то. Ноги б помыть, да боязно, они у меня ревматизные. А болеть мне сейчас никак нельзя, некогда... Вон глян, Катерина, как журчит ручеек, ишь как бежит: с камешка на камешек, где повернёт, а где и прямо течёт, а там, смотришь, в речку какую вольётся или в пруд стоячий. Вот так и жизнь человека. Живёт это человек и не знает, что оно впереди будет. Когда я Лёнюшку схоронила, думала, на этом и жизнь моя кончилась, а вышло-то по-другому.

У меня сосед был, мудрейший старик. Он часто ко мне приходил. Сядет на лавку и начнёт мне всякие слова говорить, утешать, значит. И сказал он как-то: «Ты, Анисья, когда тебя горе хлещет, не падай. Человек, у которого сила есть, как та трава, что под колесо телеги попадает. Проехало колесо, а травка медленно поднимается и опять растёт, солнышку радуется, силы набирается. Тот не человек, что подняться не может, тля он. Уж коли он свою судьбу сам делать будет, да с горем сумеет бороться — вот то человек».

Часто я вспоминала его слова. Поднялась я, медленно, но поднялась. И сколь меня жизнь с тех пор хотела с ног сбросить, а всё ж я поднималась... Колхоз своими руками строила, мужа, — а он вернулся домой в двадцать втором году, — похоронила — из обреза его кулаки убили и в камыш заташили. Вдовой я осталась двадцати пяти лет, с дочкой Стешей, она сейчас в Епифановке директором школы. Вдовой остаться, да в молодые годы, ох как тяжко, девка. Молодая вдова в дому, что весна без солнца... Так-то вот, Катерина.

Сразу же, за ярком, начиналось село. На окраине его группа мальчишек играла в лапту. Увидев приближающихся женщин, мальчишки посторонились и молча рассматривали незнакомых.

Закат был багровым, и его отсвет расстился по западной части неба, освещая землю розовым светом.

— К ветру, — сказала женщина, — завтра ветер будет... У тебя здесь есть кто знакомый?

— Нет.

— Ну, тогда, девка, иди прямо в дом колхозника. Позвала б тебя к себе, да я не из этого села. У кумы думаю заночевать. Прощай пока. Не обессудь, если что не так.

Катя пошла, но её остановила попутчица:

— Слышь, Катерина. Ты вот обмозгуй, как можно человеку через все страдания пройти и всё ж выйти на светлую дорогу.—

Она тихо засмеялась.— Я не верила в такое... Ну уж ладно, иди...

* * *

Катя из райисполкома отправилась в Дом культуры. Знала, что опоздала на совещание, и в зал, переполненный делегатами, почти вбежала. Села в последнем ряду.

За трибуной стояла женщина и рассказывала притихшему залу:

— Вот я и говорю, товарищи животноводы, что так работу продолжать никак нельзя. Ведь чуть ни каждый день в правление хожу к председателю, доказываю, дескать, надо облегчить труд дояркам. Электростанция у нас мощная, в прошлом году её построили. Дело можно поставить так, что все фермой нашей залюбуются. А он мне одни слова только говорит: «погоди, некогда». Эдак, мил товарищ, мы позади передовых окажемся. Поглядите, что в других колхозах понастроили. К фермам электричество подвели, энергию используют с толком, дояркам руки сохраняют. А наш председатель всё погодить приказывает...

Кате не было видно выступавшую: её загораживал мужчина, стоявший в проходе, но что-то знакомое показалось в её голосе. Председателя, о котором говорила она, Катя сразу опознала. Он сидел в президиуме и наливался краской стыда. Этот огромный пожилой мужчина с седыми усами, как школьник прятался за стоявший на столе графин с водой.

— А ты, Богдан Васильич, ежели колхозу хозяин, то с этой точки и смотри, доход или убыток от такого дела колхозу будет.

Катя тронула за локоть мужчину, и тот отодвинулся.

Она!.. Конечно, она. Та, что шла с ней от станицы, её попутчица...

Взявшись руками за края трибуны, она спокойно, не торопясь, чуть растягивая слова, обращалась то к сидевшим в зале делегатам, то поворачивалась к президиуму.

Катя жадно впиалась в неё глазами, рассматривая её внимательно, с восхищением, её платье городского покроя, шёлковую белую косынку, сброшенную на плечи, золотую звезду Героя Социалистического Труда.

— Скажите, кто эта женщина? — взволнованно спросила Катя у сидевшего рядом с ней колхозника.

— Анисья Тимофеевна Пронина, заведующая МТФ колхоза «Партизан». — И помолчав, с гордостью добавил: — Из нашего колхоза...

...— Я работаю в этом колхозе поболее тридцати лет, это ещё с тех пор, когда он коммуной назывался. А что сделано нами за все эти годы, говорить не буду — сами знаете, ежели только на одной нашей ферме пять орденосцев работает. И ты, Васильич, не обессудь за мою правду, — обратилась Пронина к председателю. — Хоть и хвалился здесь, что животноводство у тебя крепко поставлено, а всё же слукавил перед народом, главного не сказал. Ведь кормов-то мало заготовил колхоз, чем же мы скотину зимой кормить будем? Об этом ты подумал?

— Правильно! — крикнул кто-то из зала.

Секретарь райкома нагнулся к председателю и что-то говорил ему, а тот уже не поднимал головы. Кате было видно, как беспокойно двигались под столом его ноги.

— А зима-то не за горами. Как заревёт скотина в базу, вот тогда-то вместе с ней наплачешься! Ответ тебе не одному держать, а всем нам, колхозникам. Вот за нас и держись, за народ. Один-то в поле не воин. Вместе с тобой и повернём дело в колхозе так, чтоб партия спасибо сказала!..

Гром аплодисментов покрыл слова Анисьи Тимофеевны. Она собрала листочки, спрятала в нагрудный карман футляра с очками и сошла с трибуны.

«А я ей о жизни говорила! — с ужасом подумала Катя. — Хвасталась: диплом, высшее образование!»

Председатель совещания объявил перерыв. Все устремились к выходу. Катя старалась не упустить из виду свою попутчицу, следила в толпе за её белым платочком.

В фойе Анисья Тимофеевна стояла в окружении колхозниц и что-то говорила им. Заметив Катю, кивнула ей, подошла, взяла за руку и повела к дверям.

— Как ты ещё в зал вошла, Катерина, я тебя сразу приметил.

— Ах, Анисья Тимофеевна, почему вы мне в степи не сказали, кто вы такая?

— А зачем, дочка? Хвастаться-то нечем. Дела мои, не ох какие большие!

Катя смутилась.

— Чего покраснела-то? Думаешь, ругать тебя за твоё хвастовство буду? Нет, Катерина. Это всё у тебя через молодость. А вот совет дам. Тебе государство наше большую радость в руки дало, институт ты закончила, выучилась, за это молодец! Но смотри, оправдай доверие, правильно живи, без огрехов... Ну, идём в столовую, чайку попьём.

«Обязательно напишу о ней, — волнуясь, решила Катя, — нельзя не писать, сам материал такой в руки просится...»

Анисья Тимофеевна словно угадала мысли Кати:

— Ты, Катерина, не смотри на меня, как на картину новую и записной книжкой своей не тряс. У нас таких людей тысячи, обо всех не напишешь. Уразумей только одно: чем больше тебя жизнь кидать об землю будет, тем крепче станешь. Вот потому-то я и люблю её, что счастье мне трудными мозолями досталось. А ты говоришь, просто в жизни всё...

И Анисья Тимофеевна улыбнулась Кате спокойной и доброй улыбкой.